

Герасименко Ирина Евгеньевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО "КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА"

В статье рассматривается лингвистическая репрезентация библейских гендерных представлений в повести Л. Н. Толстого "Крейцерова соната". Патриархатные гендерные представления, свойственные русской лингвокультурной общности, воплощаются писателем в прецедентных именах, прескриптивных стереотипах, единицах русского паремиологического фонда. Автор анализирует репрезентативные единицы, привлекая сведения из Библии и "Домостроя".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 102-104. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, в формировании эмотивного содержания текста задействованы все уровни языка, в том числе и синтаксический. На синтаксическом уровне создаётся экспрессивность, позволяющая читателю не просто «прочитать» эмоцию, но «пережить» её вместе с персонажем и автором.

Экспрессивность на синтаксическом уровне создается за счет различных средств, среди которых были выделены: изменение порядка слов в предложении; простые подлежащие или сказуемые предложения; разнообразные стилистические приёмы, в частности, риторические фигуры (восклицания и вопросы), умолчание, эллипсис; авторские знаки препинания, например, точка с запятой, тире.

Список литературы

1. **Галкина-Федорук Е. М.** Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия: сборник статей по языкознанию. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 103-124.
2. **Герасименко И. Е.** Использование оценочной лексики во вторичной номинации: дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 189 с.
3. **Лингвистический энциклопедический словарь** / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
4. **Малинович Ю. М.** Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивного синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1989. 216 с.
5. **Пиотровская Л. А.** Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков): монография. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. гос. ун-та, 1994. 146 с.
6. **Тургенев И. С.** Избранные произведения / подг. текста и прим. С. М. Петров. М.: Московский рабочий, 1950. 931 с.

THE EMOTIONS EXPRESSION AT THE SYNTACTIC LEVEL IN THE RUSSIAN LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF I. S. TURGENEV'S WORKS)

Wang Shuping

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
wangshuping@mail.ru*

In the study of emotive space the most attention is usually paid to the lexical means of representation of emotions. Meanwhile, the other levels of the text organization also deserve the close attention. This article deals with the peculiarities of organization of the emotive space of the text at the syntactic level. In particular, the leading role of syntax in the formation process of artistic expressiveness connected directly with the emotive component is asserted. The analysis is based on the prose of I. S. Turgenev.

Key words and phrases: emotions; emotive space; means of emotions representation; syntax; means of expressiveness; emotional expressiveness of the text.

УДК 802.809-1/-8

В статье рассматривается лингвистическая репрезентация библейских гендерных представлений в повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната». Патриархатные гендерные представления, свойственные русской лингвокультурной общности, воплощаются писателем в прецедентных именах, прескриптивных стереотипах, единицах русского паремнологического фонда. Автор анализирует репрезентативные единицы, привлекая сведения из Библии и «Домостроя».

Ключевые слова и фразы: лингвистическая репрезентация; патриархатные гендерные представления; прецедентные имена; прескриптивные стереотипы; библейская легенда; «Домострой».

Герасименко Ирина Евгеньевна, д. филол. н.

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
irinagera2006@rambler.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИБЛЕЙСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПОВЕСТИ Л. Н. ТОЛСТОГО «КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»

Соотношение гендерных моделей в художественном тексте можно рассматривать в качестве особенностей авторского идиостиля писателя. При анализе идиостиля Л. Н. Толстого нами была обнаружена следующая закономерность: матриархатная гендерная модель со свойственными ей стереотипами (женщина есть существо небесной чистоты, достойное особого поклонения и почитания) в интерпретации писателя, как правило, разрушается, и в его дискурсе доминируют патриархатные гендерные стереотипы: женщина есть самка («носительница животного начала»), дьявол («толкающая на грех, в бездну греха») [1].

В повести «Крейцерова соната» Л. Н. Толстой размышляет о проблеме семьи и брака, о взаимоотношениях мужчин и женщин. Писателем осуждается патриархатная идея взгляда мужчины на женщину с точки зрения превосходства, утверждается мысль о необходимости изменения гендерных отношений, установления эгалитарности (благожелательного равноправия).

Прецедентным именем жена Урии, восходящим к библейской легенде о Давиде и Вирсавии (2 Цар., 11), названа неверная женщина, желающая скрыть свой грех перед мужем.

Вирсавия была женой Урии Хеттеянина, одного из военачальников войска Давида. Поскольку Писание упоминает его имя в списке тридцати семи самых сильных людей Давида, можно сделать вывод о том, что Урия служил в элитном отряде отборных воинов.

Давид, прельстившись красотой Вирсавии, совершил с ней грех прелюбодеяния, последствием чего стала ее беременность. Узнав об этом, царь был охвачен паникой: его репутация благочестивого, честного человека оказалась под угрозой. Предчувствие катастрофы сильно встревожило Давида, и в его душе родился план, который помог бы скрыть связь с Вирсавией. Давид начал осуществлять план, призвав Урию вернуться домой с поля сражения (2 Цар., 11:6). Царь думал, что ему удастся хотя бы на одну ночь завлечь Урию на ложе Вирсавии. В этом случае Урия мог бы подумать, что его жена беременна от него.

Но Урия, приехав по приказу царя, ночевал у ворот царского дома. Когда Давид узнал об этом на следующий день, он с изумлением поинтересовался, почему Урия, вернувшись из похода, не посетил свой дом. Урия ответил: «Господин мой Иоав и рабы господина моего пребывают в поле, а я вошёл бы в дом свой и есть, и пить, и спать со своею женою! Клянусь твоею жизнью и жизнью души твоей, этого я не сделаю» (2 Цар., 11:11). Урия не мог и помыслить об удовлетворении своих плотских потребностей в то время, когда его сослуживцы сражались за отечество.

Беспокойство Давида ещё более возросло, и он пустил в ход другой план. Приказав Урии остаться в Иерусалиме ещё на одну ночь, он вечером пригласил его на свой царский обед и, потчуй вином, напоил допьяна. По расчету Давида, Урия должен был забыть о своих соратниках и возжелать близости со своей женой, когда рассудок его затуманится вином. Однако Писание сообщает: «Но вечером (Урия) пошёл спать на постель свою с рабами господина своего, а в свой дом не пошёл» (2 Цар., 11:13).

Беспокойство Давида не знало границ. Он понял, что должен предпринять решительные меры, и приказал поставить Урию на передовую самого опасного сражения. Как и задумал Давид, воин этот был убит в бою. Вирсавия оплакивала смерть своего мужа семь дней, как было положено по закону, а после пополнила собой гарем Давида. Со временем Вирсавия родила царю сына Соломона.

Такова библейская история о Вирсавии, желающей скрыть свой уже совершенный грех. Примечательно и то, что соперник, имеющий более высокое положение – царь, оказывается для женщины более предпочтительным, несмотря на безусловное моральное превосходство мужа.

К упомянутой библейской истории восходит прецедентное именование женщины женой Урии в тексте повести, репрезентирующее семы 'вероломство', 'предательство женой мужа', 'измена', 'совершение преступления', 'попытка его скрыть', 'преступное желание вступить в половую связь с мужем, чтобы утаить следы измены', 'необходимость совершить убийство': «Последнее время она никогда не приходила ко мне в комнату, особенно в это время. Лежу в кабинете и злюсь. Вдруг знакомая походка. И в голову мне приходит страшная, безобразная мысль о том, что она, как жена Урии, хочет скрыть уже совершенный грех свой, и что она затем в такой неурочный час идет ко мне» [4, с. 283].

Патриархатным, каузированным христианской традицией, следует признать представление о полноправном владении мужчины телом своей жены (ср.: К мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (Быт. 3, 16)). Л. Н. Толстой опровергает, ставит под сомнение справедливость и этого стереотипа: «Ведь ужасно было то, что я признавал за собой несомненное, полное право над ее телом» [Там же, с. 293].

Образные средства, эксплицирующие положительные коннотации (ангел, милашка), репрезентируют стереотипные представления о мужчине, царившие в окружении главного героя (в современном писателю обществе), которые сам Л. Н. Толстой считает ошибочными, неверными, несправедливыми, незаслуженными. Вот почему они сменяются в рефлексивном дискурсе Позднышева теми, которые указывают на низменность, порочность, безнравственность, типичную, по мнению писателя, для мужчины (свинья, Дон Жуан, зверь).

При размышлении об отношениях между мужчиной и женщиной Л. Н. Толстой неоднократно обращался к «Домострою», в котором содержалась нравственная патриархатная доктрина русской этнокультурной общности. Отметим, что хотя «Домострой» вообрал в себя общие идеи средневековья, не имеющие строго национальной основы, окончательный результат и в характере самого текста, и в идеологических акцентах является чисто русским, несет в себе черты русской жизни начала XVI века. Как замечает Д. С. Лихачев, «для своего времени "Домострой" был авторитетным руководством и важным, регламентирующим жизнь, текстом» [3, с. 12].

Основанный на библейской этике, «Домострой» был, в сущности, нравственно-практическим наставлением для русских людей, был приспособлен к национальному быту инструкцией по устройству уклоняющейся от греха, никем не осуждаемой жизни. Одним из главных постулатов христианской семейной морали является библейский императив «Каждый из нас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5, 33). Следует отметить, что эта заповедь, правда, несколько усеченная (Да убьется жена мужа своего), содержащаяся в «Домострое» и ставшая стереотипным патриархатным представлением русских, получила на Руси совершенно невиданное по величине и исполнению воплощение в жизнь. Отношение мужей к женам, по историческим свидетельствам, было очень жестоким, варварским: обычно у мужа висела плеть, предназначенная только для женщины и называемая «дураком». За незначительную вину, а нередко и без нее, муж наказывал жену: сек дураком до крови, дергая до боли за волосы, раздевая, связывая веревками. Некоторые мужья вместо плети использовали розги, другие – напротив, дубину. Это называлось «учить жену».

Такого рода обращение не только не казалось предосудительным, но еще и вменялось мужу в нравственную обязанность. Добропорядочные люди говорили о том, кто не бил жены, что он свой дом не созидает и о душе не заботится. «Домострой» как авторитетное нравственное руководство гуманно рекомендует не бить жену кулаком по глазам и лицу, не бить ее железным или деревянным предметом, чтобы не изуродовать. «Домострой» находит, что благоразумно бить жену плетью, поскольку именно этот вид наказания имеет особенную нравственную силу. Это этическое правило проповедовалось православной церковью. Даже царям при венчании митрополиты и патриархи читали нравоучения об абсолютном повиновении жены мужу. Н. И. Костомаров в своем историческом исследовании, посвященном жизни и нравам русского народа, писал: «Привыкшие к рабству, которое влачить суждено было им от пеленок до могилы, женщины не имели понятия о возможности иметь другие права и верили, что они в самом деле рождены для того, чтоб мужа их били, и даже самые побои считали признаком любви» [2, с. 141].

В повести Л. Н. Толстого заповеди «Домостроя» декларирует морщинистый старик, очевидно купец. Купец проедет с героями-попутчиками рассказчика только одну станцию, он стар, его спор с эмансипированной дамой имплицитно авторскую иронию – все эти сюжетные особенности свидетельствуют о том, что, по мнению Л. Н. Толстого, времена «Домостроя» проходят. Однако следует перечислить патриархатные стереотипы и метафоры, укоренившиеся в сознании русских благодаря христианской традиции и «Домострою». Диалог эмансипированной дамы и купца очень показателен с точки зрения констатации и оценки писателем столкновения двух эпох в гендерных представлениях/мировоззрениях.

Прескриптивные стереотипы (страх должен быть; да боится своего му-у-ужа!; волю не давать надо сначала; загодя укорачивать надо женский пол, а то все пропадет) прямо репрезентируют христианские патриархатные представления о должном отношении к женщине, характерные для «Домостроя». Номинация Ева, цитата из ребра мужнина сотворена, отсылают к библейским прецедентам, к библейской истории сотворения мира и человечества, утверждающей, что женщина (Ева) сотворена из ребра мужчины (Адама) как его помощница, и поэтому ее положение по отношению к мужчине подчиненное. Квалификация утлый сосуд актуализирует семы 'ненадежный', 'некрепкий', 'с изъянами', что указывает на моральную неустойчивость женщины. Единица русского паремиологического фонда 'Не верь лошади в поле, а жене в доме' отражает обиходно-бытовой стереотип восприятия женщины в патриархатном мире и ценное с практической точки зрения наизидание (что соответствует функции пословицы), как нужно относиться к женщине, чтобы избежать несчастья, горя, бедствий.

Таким образом, библейские гендерные представления в повести Л. Н. Толстого «Крейцерова соната» репрезентируются в прецедентных именах, прескриптивных стереотипах, единицах русского паремиологического фонда. Писатель ставит под сомнение укоренившиеся в национальном сознании патриархатные представления о женщине с позиции мужского превосходства.

Список литературы

1. Герасименко И. Е. Идиостиль Л. Н. Толстого в зеркале гендерных моделей культуры // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л. Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации: мат-лы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та, 2012. С. 317-318.
2. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: Экономика, 1993. 399 с.
3. Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: ст. и очерки. Л.: Наука; Ленингр. отд., 1985. 575 с.
4. Толстой Л. Н. Крейцерова соната // Толстой Л. Н. Повести и рассказы. М., 1982. С. 231-304.

LINGUISTIC REPRESENTATION OF BIBLICAL GENDER CONCEPTIONS IN THE STORY BY L. N. TOLSTOY "THE KREUTZER SONATA"

Gerasimenko Irina Evgen'evna, Doctor in Philology
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
irinagera2006@rambler.ru

The article deals with the linguistic representation of the Biblical gender conceptions in L. N. Tolstoy's story "The Kreutzer Sonata". The patriarchal gender ideas, peculiar to the Russian linguo-cultural community, are embodied by the writer in the precedent names, prescriptive stereotypes, and Russian paremiological fund units. The author analyzes the representative units, using the contents from the Bible and the "The Domostroy".

Key words and phrases: linguistic representation; patriarchal gender ideas; precedent names; prescriptive stereotypes; Biblical legend; "The Domostroy".